

25 сентября — 75 лет со дня

рождения Д. Д. Шостаковича

ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР ХХ ВЕКА

В одном из документальных фильмов о Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче мы видим: композитор сидит в купе мчащегося поезда и долго смотрит в окно, застекленное дождем. За кадром звучит музыка Тринадцатой симфонии.. Ни тени умиротворения на напряженном, со стиснутыми губами лице. Кажется, мозг композитора погружен в какую-то яростную тишину, готовую взорваться звуками. Незабываемое лицо человека, для которого мир — вечное рождение музыки, а музыка — вечная исповедь...

Страсть композитора к исповеди музыкой настигала его везде. «Внешняя обстановка, комфорт для меня ничего не значит», — рассказывал Шостакович. — Те, кто думает, что красивую музыку легче писать в прекрасном дворце, ошибаются. Я, например, не раз писал, едущи в поезде, в неудобной позе... Преодолевать в процессе творчества приходится самого себя, а не внешнюю среду».

«Преодолевать самого себя» — точней не мог сказать о себе этот совестливейший человек и величайший художник нашего времени. Потому что создание музыки для Шостаковича всегда было актом борения за новые идеи, новую глубину мироощущения, новую красоту. И всегда — полемика. Сколько споров вызывала, например, его Четырнадцатая симфония! Шостакович не мог пройти мимо таких глобальных тем искусства, как «поэт и вечность», «жизнь и смерть». Но он подошел к ним, не повторив ни одного из своих великих музыкальных предшественников, будь то Лист или Чайковский, Мусоргский или Рахманинов. «Я полемизирую с классиками!» — заявил композитор перед прослушиванием Четырнадцатой, в которой он ставит человека лицом к лицу со смертью лишь для того, чтобы защитить жизнь, сделать обличие смерти проповедью жизни.

В Шостаковиче-композиторе, точно так же, как в Шостаковиче-человеке, уживались рядом, казалось бы, совершенно противоположные начала: доброта и ожесточение, непреклонность фанати-

ка и застенчивость юноши, духовность гения и трезвый материализм человека ХХ века. И потому в его музыке по-шекспировски близко смыкались великое и смешное, трагедия и фарс. Его сердце было всегда открыто для правды. Его острый, наблюдательный ум сохранял всегда поразительную объективность и широту видения мира. И потому, наверное, никому из композиторов-современников не удалось, подобно Шостаковичу, отразить в музыке социальную картину мира с такой обжигающей правдой и полнотой.

Пятнадцать симфоний и пятнадцать квартетов, две оперы, оперетта и три балета, музыка инструментальных и вокальных жанров — от концерта до сонаты и фуги, от оратории до песни, музыки для театра и кино — все формы композиторского искусства обняли и реформировали могучий музыкальный интеллект Шостаковича. И в каждом создал неповторимые по замыслу и форме воплощения образцы.

Путь композитора, как известно, не был усеян сплошными лаврами, а пролегал и через зоны «отрицания», не-понимания, острого критического осуждения. Но каждый раз великий композитор-труженик отвечал на критику только одним родом оружия: работой, новыми сочинениями, новыми художественными открытиями.

В музыке Шостаковича, как писал композитор Родион Щедрин, — «пульс нашей жизни». Она полна страстного протesta против жестокости, мещанского благодушия. И в то же время эта музыка — всегда гимн человеку... Гуманизм и гражданственность — вот тот фундамент, на котором воздвигнутое здание «стиля Шостаковича».

Он был из первого поколения воспитанников Октября. Он помнил взбаламученные улицы Петрограда 1917 года, стычки революционных демонстрантов с полицией. Одиннадцатилетний композитор уже писал в те годы свои первые сочинения — «Гимн свободе», «Солдат», «Траурный марш памяти жертв революции»...

Революция рано пробудила в нем гражданские чувства

ва, рано связала в сознании мотивы борьбы и скорби о павших борцах. В зрелые годы эти мотивы нашли свое высокое воплощение в таких произведениях, как Десять поэм для смешанного хора на слова революционных поэтов и Однадцатая симфония «1905 год».

«Октябрьская революция, — вспоминал Шостакович, — определила жизнь моего поколения. Стиль творчества. Тематику. Язык. А главное — она создала тот подъем эмоциональных сил и ту особую душевную «температуру», которая всегда поднимает творчество над обыденной житейской суетой...» Вот почему музыка его всегда враждовала с сытым благодушием, эстетской красивостью игры в звуки. По словам академика Бориса Асафьева, музыку Шостаковича насыщают «звукобразы еще не слыханной наэлектризованности: будто это не музыка, а нервный ток мощной напряженности». Порой кажется: эта музыка способна «физически» сокрушить зло. Она так преобразующа активна, что как бы вырывается за грани чисто эстетического, вторгаясь в сферу собственно истории, социальных преобразований, философской деятельности.

Не было еще случая во всей музыкальной истории, чтобы огромное произведение — симфония — создавалось в гуще отражаемых исторических событий, подобно тому, как создавалась в первые месяцы Великой Отечественной войны гениальная Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича. Она создавалась как оперативный документ эпохи. В сущности, эта симфония стала фактом антифашистской борьбы, охватившей тогда все человечество.

Кадры кинохроники сохранили облик «неистового» Шостаковича, творящего за роялем, в сполохах ночного блокадного Ленинграда. Он защищал город, сочиняя неслыханную музыку, которая, по его словам, «неудержимо рвалась из него». А потом надевал пожарную каску и шел дежурить на крыше консерватории или ехал со студентами строить оборонные сооружения. А на эскизах

записях новой партитуры появлялись обведенные кружочками «немузикальные» знаки «в. т.» — воздушная тревога...

Чтобы исполнить симфонию в блокадном Ленинграде, в августе 1942 года поднялся с койки стационара для больных и ослабленных дирижер Карл Элиасберг. А на эстраде Большого зала филармонии рядом с артистами во фраках сидели люди в военной форме.. Седьмая симфония за один год облетела весь мир и была только в Соединенных Штатах исполнена 62 раза под управлением величайших дирижеров — Тосканини, Стоковского, Орманди, Митропулоса, Монте. 134 радиостанции США и 99 радиостанций Латинской Америки транслировали ее исполнение. Дирижер Сергей Кусевицкий сказал тогда: «Со времен Бетховена еще не было композитора, который мог бы с такой силой внушения разговаривать с массами».

Шостакович совершил переворот в музыке. Он совершил то, о чем писал А. В. Луначарский, предсказывая приход после победы революции музыкантов «бетховенского» типа. Он возвратил симфонии (давно терпевший кризис на Западе) ее большую многоплановую драматургию, психологическую глубину, социальное звучание. Он сделал симфонию орудием гуманистического действия, изобличения, сострадания и борьбы.

«Главное — любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни», — говорил Шостакович, имея в виду идею своей антифашистской Седьмой симфонии. Но можно назвать это главной идеей и всего его творчества. Вне этой идеи невозможны были бы ни Пятая симфония о становлении личности нового человека, ни гениальная Восьмая — эта «трагедийная песнь о безграничной выносимости человеческого сердца» (Б. Асафьев), ни Тринадцатая с ее пламенной защитой достоинства и свободы человека...

Вслушайтесь в музыку Шостаковича последних лет, бесконечно глубокую по мыслям, бесконечно простую и «прозрачную» по средствам выражения. В ней все подлинно в своей возвышенной сути. Предельно лаконично и всеобъемлюще. И звучат «вечные» темы жизни и искусства: Что есть истинна? Что есть жизнь? В чем миссия человека на земле перед лицом вечности?.. И набатом звучат в назидание поколениям будущего излюбленные мотивы великой революционной души Шостаковича: Помни! Будь достоин памяти павших борцов! Верь в лучшие, светлые идеалы правды, человечности и красоты! И служи им до конца!..

Т. ГРУМ-ГРЖИМАИЛО,
искусствовед.

(АПН).